

СВЕТЛАНА МИХАЙЛОВНА ТОЛСТАЯ

СТРУКТУРА ТЕКСТА “ТЕТРАЛОГИИ” ИЗ НОВГОРОДСКОГО КОДЕКСА

Тексты “Тетралогии”, реконструкция и анализ которых сопряжены с решением множества лингвистических, филологических и историко-культурных проблем (см. статьи А. А. Зализняка и М. А. Бобрик), заслуживают внимания еще в одном отношении – в отношении внутренней организации самих текстов, их жанровых, композиционных и стилистических характеристик. Несмотря на очевидную неполноту и фрагментарность, эти тексты не оставляют сомнения в том, что они сознательно “сконструированы” не только со стороны содержания, но и со стороны формы, и обладают многими признаками поэтических произведений и прежде всего ритмической организацией, проявляющей себя на всех уровнях – начиная от звуковых повторов (аллитерации, рифма), слоговой структуры (метр) и кончая грамматическими (морфологическими, синтаксическими), лексическими и семантическими “фигурами” и упорядоченным чередованием более крупных блоков текста. Правда, степень поэтической упорядоченности неодинакова в разных частях каждого из четырех текстов и в разных текстах: например, “Закон Моисеев” в целом выдержан в более свободном, нарративном (“прозаическом”) режиме, чем другие тексты, однако и в нем присутствуют фрагменты, отличающиеся высокой степенью “поэтичности”, т. е. организованности (кроме начального ряда повторяющихся двустрочных блоков, это, например, строки 38–41, о которых специально ниже).

Столь значительная степень формальной упорядоченности текстов “Тетралогии”, вообще характерная для средневековых поэтических сочинений, в данном случае, как представляется, не является всего лишь данью поэтической традиции и тем более не может рассматриваться как продукт индивидуальной эстетической программы автора – она обусловлена “суггестивным” характером и идеологической направленностью текстов, призванных воздействовать на умы и чувства адресатов, утвердить их в христианской вере и послужить для них руководством в повседневной жизни и в мировосприятии. С этим же, несомненно, связана и такая бросающаяся в глаза особенность рассматриваемых текстов, как их насыщенность “апеллятивными” формами, т. е. конструкциями, непосредственно обращенными к адресату или указывающими на него (глаголы в императиве, в форме 2. мн.

наст.); сюда условно могут быть также присоединены диалогически маркированные формы 1 лица. Ср. соотношение “апеллятивных” и “нарративных” (повествовательных) глагольных форм в четырех текстах “Тетралогии”:

	2. ед., мн.	1. ед., мн.	Прочие формы
“Закон Моисеев”	26 + повторы <i>a-z</i>	0	44
“Размаряющие и размиряющие”	0	0	повторы <i>a-z</i>
“Архангел Гавриил”	118	3	9
“Закон Иисуса Христа”	1	26	3

В этом отношении апокрифические тексты “Тетралогии” оказываются сопоставимыми с архаическими по своей “поэтике” и языковой форме фольклорными заклинательными и другими магическими текстами, которые также призваны в первую очередь воздействовать на действительность. Этой общей прагматикой объясняется очевидное сходство двух видов текстов по многим другим линиям, несмотря на то, что они принадлежат к разным, в каком-то отношении полярным, культурным идиомам – один из них манифестирует средневековую книжную традицию, ориентированную на христианство и апеллирующую к человеку, другой – устную народную традицию, уходящую корнями в язычество и ведущую диалог непосредственно с окружающим человека миром. Для обеих традиций главными приемами, с помощью которых достигается преследуемая цель и обеспечивается необходимая степень “суггестивности” текста, служат повтор (однократный и многократный) и чередование, т. е. то, что создает ритмическую структуру текста, подобную геометрическому орнаменту или музыкальному сочинению. Эти приемы затрагивают все уровни текста, во многих случаях они легко наблюдаемы (как, например, “неисчислимы” повторы в первых двух текстах, обозначенные буквами *a-z*), но иногда современному читателю они не видны и для их обнаружения требуется специальная филологическая процедура. Возьмем для примера фрагмент из “Закона Моисеева”, выделяющийся своей жесткой ритмической организацией на фоне остального, относительно “свободного” по своей структуре текста:

38 и альчущя напитѣаху и жяждущя напаяаху
 39 и нищя накрѣмляаху и сирыя призирааху
 40 и немощѣныя исцѣляаху и маломощѣныя лѣчааху
 41 и уродивыя почитааху и мрѣтвыя погрѣбааху

Каждая из четырех строк делится на две части, имеющие одинаковую синтаксическую структуру (объект плюс предикат), заполняемую одними и теми же грамматическими формами (объект в форме В. мн. и управляющий переходный глагол в форме имперф. 3. мн.) с неизменным порядком слов (объект предшествует предикату). Получается 8 однотипных конструкций, вводимых союзом (?) *и*, которые семантически связаны одновременно по нескольким линиям. Ряд, состоящий из существительных и причастий, обозначающих объект действия глагола, представляет собой перечень лиц, объединенных общим признаком обделенности, недостачи жизненных благ (*алчущие и жаждущие, нищие и сирые, немощные и маломощные, уродивые и мертвые*) и прежде всего нуждающихся в божественном участии и покровительстве. Соответственно этому глаголы составляют единый ряд по семантическому признаку “восполнения недостачи” (*напитать и напоить, накормить и призреть, исцелить и лечить, почитать и погребать*; видовыми различиями в данном случае пренебрегаем). В каждом отдельном “бине” глагол и прямое дополнение связаны общим семантическим компонентом, указывающим на то, чего именно недостает объекту и что восполняется предикатом (для *алчущих* *напитали* это пища, для *жаждущих* *напоили* – вода, для *немощных* *исцелили* – здоровье/болезнь, для *маломощных* *лечили* – жизненные силы и т. п.). Кроме того, эти конструкции объединены в пары (соответствующие строкам) на основе семантической связанности (синонимии или ситуативной общности) как глаголов, так и объектов (например, *алчущие* и *жаждущие* имеют сходную структуру значения, так же как и *питать* и *поить*, которые к тому же и этимологически родственны); в двух парах из четырех внутренняя связанность поддерживается еще и одинаковыми приставками (*напитали* и *напоили*; *почитали* и *погребали*). Наконец, членение на строки и полустрочия (отмеченные начальным *и*) соответствует слоговой структуре данного фрагмента:

“полустишия”	слоговая структура	число слогов
38 и алчущая <i>напит</i> аху	1 + 4 + 5	10
и жаждущая <i>напая</i> ху	1 + 4 + 5	10
39 и нищя <i>накр</i> мляху	1 + 3 + 5	9
и сирья <i>призира</i> ху	1 + 3 + 5	9
40 и немощныя <i>исц</i> ляху	1 + 5 + 5	11
и маломощныя <i>л</i> ччаху	1 + 6 + 4	11

41 и уродивыя почитааху	1 + 5 + 5	11
и мрѣтвыя погрѣбааху	1 + 3 + 5	9
42 и тризны творяху	1 + 2 + 4	7

В первых трех строках строго выдержано силлабическое равновесие между полустрочиями (10–10, 9–9, 11–11), в четвертой оно нарушается (11–9), чтобы в дальнейшем полностью сойти на нет, уступив место “свободной”, ритмически не организованной (не членящейся на полустрочия) последовательности строк 42–46 (это не значит, что они полностью лишены ритма; ср. приходящуюся на них смену порядка слов – препозиция объекта предыдущих строк сменяется постпозицией: 44 *и призывааху идолы*, 45 *и не почитааху иса хса*, 46 *и не исплъняаху завѣта его*).

Вообще для поэтики рассматриваемых текстов, насыщенных всякого рода повторами, характерна своего рода “инерция начала”, некое “застревание” на первой синтагме (“фигуре”), затем на первом члене синтагмы и постепенность модификации повторяющейся начальной формулы: изменение сначала затрагивает ее вторые и дальнейшие члены, сохраняя неизменным первый. Так, в начале первого текста (“Закон Моисеев”) после окончания повторяющихся строк *a–z* начальные слова *и кланяете ся* удерживаются еще в трех следующих строках и лишь затем уступают место другим конструкциям (при этом первая из новых форм *поклоните ся* оказывается лишь видоизменением сменяемой формы). Еще заметнее этот прием постепенных изменений в остальных текстах “Тетралогии”.

Нарушение многократно повторяющейся начальной формулы *размаряющей и размиряющей* в одноименном тексте также начинается с замены не первого, а второго ее члена (*2 размаряющей и разби- вающей*), что открывает путь к дальнейшим, тоже постепенным, модификациям; при этом исходная формула время от времени возвращается, перебивая последовательность других глагольных (причастных) биномов и как бы скрепляя собой весь ряд (ср. строки 4 и 15, в строке 8 представлена ее инверсия); компоненты начальной формулы выступают также по отдельности, в сочетании с другими причастиями: *размаряющей* – в строках 2, 10, *размиряющей* – в строках 6, 9, 13, 17. Повторяются и другие причастия (приводятся по порядку их следования в тексте): *разбивающей* (строки 2, 5, 11, 17), *раздирающей* (3, 6, 11, 12), *разламающей* (3, 9), *размѣтающей* (5, 10), *раскажающей* (7, 16), *раздымающей* (12, 14), *раздѣляющей* (13, 14); не повторяются: *раскалающей* (7), *раскаряющей* (16). Из этих одиннадцати разных причастий (обозначим их буквами А–L) составлена цепь, насчиты-

вающая 17 двучленных строк (не считая повторов *a-z*); новые члены (обозначены жирным шрифтом) вводятся в эту цепь “постепенно”, с периодическим возвращением к ранее введенным; ср. конфигурацию первых 17 строк: 1. A + B (с повторами *a-z*), 2. A + C, 3. D + E, 4. A + B, 5. F + C, 6. D + B, 7. G + H, 8. B + A, 9. E + B, 10. A + F, 11. D + C, 12. D + J, 13. B + K, 14. J + K, 15. A + B, 16. G + L, 17. C + B. Лишь с 18 строки прекращается монотонный ряд образований с приставкой *раз-* (не считая повторов *a-z*, он содержит 34 единицы); эта граница отмечена также появлением первой трехчленной строки (18) после длинного ряда двучленных. Многократно воспроизведенная словообразовательная модель не только “скрепляет” и ритмически организует соответствующий фрагмент текста, но и придает ему содержательную целостность, благодаря “деструктивной” и отрицательно окрашенной семантике приставки *раз-*. Следующие за этим строки (19–24), составленные также из причастий, уже не обнаруживают столь жесткой формальной структуры (в семантическом отношении они продолжают нагнетание негативных характеристик) и составляют переход от сугубо организованной (“поэтической”, “стихотворной”) части текста к более свободной (в ритмическом смысле) его концовке.

Этот же принцип орнаментального построения длинных перечней, состоящих из однотипных языковых элементов (в данном случае форм императива), которые группируются в строки то из двух, то из трех слов, отделяемых друг от друга союзом *и*, выдержан в третьем тексте “Тетралогии” (“Архангел Гавриил”). Ср. строки 4–10, составляющие блок трехчленных конструкций, скрепленный общим начальным элементом *и пригласите*:

- 4 и пригласите и напоите и опоустошите
- 5 и пригласите и очистите и отъпоустите
- 6 и пригласите и оживите и отъпоустите
- 7 и пригласите и приведѣте и съберѣте
- 8 и пригласите и оутѣшите и почѣстите
- 9 и пригласите и наставите и оупросите
- 10 и пригласите и похвалите и оусадите

Начиная с 11 строки, меняется первый компонент трехчлена (строка начинается с *и похвалите*), в 12 строке появляется вновь начальное *и пригласите*, отсылающее к предыдущему блоку, затем двумя двучленными строками (13 и 14) перебивается инерция трехчленных конструкций; то же происходит в строках 24 и 25, затем в 29, 30, 31, после чего, наоборот, трехчленные и дважды даже четырехчленные строки начинают разбивать последовательности двучленных

строк. Наконец, только со строки 45 прекращается ряд сплошных императивных глагольных форм (общим числом 115) и в текст вводятся новые лексические элементы и грамматические формы, и он становится менее организованным и более свободным.

Легко видеть, что четвертый текст “Закон Иисуса Христа” еще более “инерционен”: строки 4–24 представляют собой клишированную формулу, начинающуюся со слов *азъ есмь*, продолжением которой служат комбинируемые разным способом именные компоненты сказуемого (соединенные союзом *и*): *истина и законъ и пророци* (строки 5, 8, 15, 18, 19, 21, 22, 23, 24), *таина несъказанънаа* (4, 14, 20), *истина и путъ и стъзя* (6), *законъ и пророци и тяже сихъ* (7), *истина съпасеная и отърадна* (9), *супругъ избъраньи и любъзънъ* (10, 13), *двѣрь и истина и путъ и стъзя* (11), *истина и таина несъказанная* (16), *истина и таина и законъ и пророци* (17). Так организованы слова, принадлежащие Христу. Далее следует “комментарий” к этим словам, выдержанный в “свободном” стиле.

Указанные особенности организации текстов “Тетралогии”, а именно – наличие ритма на формальном и семантическом уровне, орнаментальность, инерционность, выделенность начала (строки, “стиха”, звена, семантико-синтаксического блока), насыщенность повторами – находят прямую параллель в поэтике и структуре фольклорных текстов заклинательного, магического характера, прежде всего заговоров, сохраняющих, как известно, черты глубокой архаики. Показательным примером этого сходства могут служить типичные для заговоров длинные многочленные ряды, построенные по единой синтаксической, морфологической, словообразовательной и семантической модели. Ср. строгую орнаментальную структуру сербского заговора от краснухи (од црвеног ветра):

Пош’о **црвени** ветар
на **црвену** коњу,
црвена му уста,
црвени му зуби,
црвена му грива,
црвене му уши,
црвена му глава,
црвена му кожа,
црвена му аша,
црвена му узда,
црвен му кускун,
црвена му цигерица,

Отправился **красный** ветер
на **красном** коне,
красный у него рот,
красные у него зубы,
красная у него грива,
красные у него уши,
красная у него голова,
красная у него кожа,
красная у него попона,
красная у него уздечка,
красный у него подхвостник,
красная у него печень,

црвена му црева,
 црвене му ноге,
 црвен му реп,
 црвене му копите.

красные у него кишки,
 красные у него ноги,
 красный у него хвост,
 красные у него копыта.

Изгореше му, подгореше му копите,	Сгорели у него, обгорели у него копыта,
изгоре му, подгоре му реп,	сгорел у него, обгорел у него хвост,
изгореше му, подгореше му ноге,	сгорели у него, обгорели у него ноги,
изгореше му, подгореше му црева,	сгорели у него, обгорели у него кишки,
изгоре му, подгоре му цигерица,	сгорела у него, обгорела у него печень,
изгоре му, подгоре му кускун,	сгорел у него, обгорел у него подхвостник,
изгоре му, подгоре му узда,	сгорела у него, обгорела у него уздечка,
изгоре му, подгоре му аша,	сгорела у него, обгорела у него попона,
изгоре му, подгоре му кожа,	сгорела у него, обгорела у него кожа,
изгоре му, подгоре му грива,	сгорела у него, обгорела у него грива,
изгореше му, подгореше му зуби,	сгорели у него, обгорели у него зубы,
изгореше му, подгореше му уста.	сгорел у него, обгорел у него рот.

Далее тот же самый текст повторяется еще много раз с последовательной заменой цветового эпитета: Пош’о бео ветар на белом коњу, бела му уста, бели му зуби, ... [Отправился белый ветер на белом коне, белый у него рот, белые у него зубы ...], затем: Пош’о сињ ветар на сињоме коњу, сиња му уста, сињи му зуби, ... [Отправился синий ветер на синем коне, синий у него рот, синие у него зубы ...] и т. д. (Раденковић 1982, 67–68, № 89). Каждый “цветовой” блок текста (“красный”, “белый”, “синий” и т. д.) содержит по две “строфы”. В первой строфе 16 строк, из них 14 представляют собой одну и ту же конструкцию (“красный/-ая/-ые у него ...”), в которой переменными членами оказываются названия деталей конской упряжи и частей тела животного – от рта до копыт. Синтаксиче-

ская инверсия, выдвигание на первую позицию в каждой из 14 строк прилагательного переносит на него логический акцент и подчеркивает ключевую роль цветového прилагательного как формального и содержательного стержня всей конструкции. Вторая строфа также состоит из 14 строк одинаковой структуры (“сгорел/-а/-и у него, обгорел/-а/-и у него ...”), однако порядок перечисления переменных членов конструкции в ней обратен (зеркален) по отношению к первой строфе; если там было: “рот–зубы–грива–уши–голова–кожа–попона–узdechka–подхвостник–печень–кишки–ноги–хвост–копыта”, то здесь атрибуты коня подвергаются уничтожению (сжиганию) в строго обратном порядке: копыта–хвост–ноги–кишки–и т. д., при этом сама обратность несомненно входит в арсенал магических средств защиты (отвращения опасности). Дополнительным приемом ритмизации и суггестии становится здесь тавтологическое удвоение глагола (*сгорел–обгорел*), на который падает основная магическая нагрузка по уничтожению опасности.

Аналогичные способы конструирования магического текста применяются в русских заговорах. Ср.

... стегайте его [рыжего коня]
по ушам **и по** заушам,
по глазам **и по** заглазам,
по коже **и по** закоже,
по костям **и по** закостям,
по гриве **и по** загриве,
по хвосту **и по** захвосту,
по копытам **и по** закопытам,
по суставам **и по** засуставам,
с крови и с сердца;
батюшка Михайло архангел и Георгий Храбрый,
выгоните нечистый дух,
двенадцать ногтей

(Майков 1994, № 194)

или:

... **спать бы ей – не** заспать **бы ей меня;**
есть бы ей – не заесть **бы меня;**
пить бы ей – не запить **бы меня;**
ходить бы ей – не заходить **бы меня;**
говорить бы ей – не заговорить **бы меня ...**

(там же, № 20)

... не **едой отгьестись** не могла бы от меня,
 ни **питьем отпиться**,
 не **дутьем отдуться**,
 не **гулянкой загулять**,
 не в бане отпариться

(там же, № 7)

Центральная часть первого текста построена по модели “по X и по за X”, где X – “переменная”, название части тела; второго – по модели “X бы ей – не за-X бы ей меня”, где X – переменный глагол; третий текст использует тавтологическую конструкцию (*figura etymologica*), которая в последней строке заменяется содержательно эквивалентной “ситуативной” тавтологией.

Инерционная поэтика заговора не только организует текст и придает ему ритм и необходимую суггестивную энергию, но и порождает новые, “инерционные” языковые формы и новые смыслы (Толстая 2003); ср. лексемы *зауши*, *заглаза*, *закожа* и т. д. в первом примере и нестандартные значения приставочных глаголов во втором и третьем примерах: *заспать*, *заходить*, *заговорить*, *отпиться* и т. д. в значении ‘забыть, отстраниться, отрешиться, отказаться в процессе сна, хождения, говорения и т. д.’ Это, как кажется, не характерно для средневековых поэтических текстов, не выходящих в целом, насколько можно судить (см. статью А. А. Зализняка), за рамки литературного стандарта, хотя и им игра формой и смыслом слов, формальные и семантические притяжения и отталкивания, безусловно, присущи.

Прямой параллелью к поэтическому приему нанизывания однотипных словообразовательных (и морфологических) форм с меняющимся корнем и сквозным префиксом, наиболее ярко представленному в фрагменте “Размаряющие и размиряющие”, оказываются многочисленные перечислительные конструкции русских заговоров. Кроме приведенных выше образцов, в том же сборнике Майкова можно найти немало примеров такого рода:

... золотуху выговорить,
пересудную,
передумную,
переговорную, полунощную ...
 как конь воды не **спивает**,
 травы не **съедает**,
околел, **онемел**, так бы у раба (имя рек)
околела, **онемела** у буйной голове, у ясных очах ...
 (Майков 1994, № 93)

... на этом престоле сидит Пресвятая Матерь,
 в белых рученьках держит белого лебедя,
обрывает, общипывает у лебеди белое перо;
 как **отскокнуло, отпрыгнуло** белое перо,
 так **отскокните, отпрыгните, отпряните**
 от раба Божия (имя рек)
 родимые огневицы и родимые горячки ...

(там же, № 97)

В последнем примере “арматуру” текста образуют лексические повторы ключевого прилагательного *белый* (4 раза), существительных *лебедь* и *перо* (по 2 раза) и, пожалуй, важнейший элемент конструкции – ряд глагольных форм с повторяющимися префиксами (*об-* 2 раза и *от-* 5 раз), причем они соположены по принципу семантической тавтологии: *обрывает* = *общипывает*, *отскокнуло* = *отпрыгнуло*, *отскокните* = *отпрыгните* = *отпряните*.

Подобно заговорам и другим “магическим” фольклорным жанрам, тексты “Тетралогии” широко пользуются повторами, тавтологией и синонимическими и паронимическими сближениями. Ср. лексический повтор в “Законе Моисееве”: 26 и яся я народи и **питѣши ся** отъ мясь овѣчихъ 27 и **питѣши ся** дѣти и **питѣши ся** альчущей и **питѣши ся** раби ихъ, – который применяется с ритмической (и далее магической) целью, аналогично тому, как это делается в перечислительных конструкциях заговоров; ср. фрагмент сербского заговора (обращение к болезни с угрозой):

Сапалих ти децу,	Я спалил твоих детей,
сапалих ти бабу,	я спалил твою бабу,
сапалих ти оца,	я спалил твоего отца,
сапалих ти мајку,	я спалил твою мать,
сапалих ти стрица,	я спалил твоего дядю [брата отца],
сапалих ти стрину,	я спалил твою тетку [жену брата отца],
сапалих ти течу,	я спалил твоего дядю [мужа сестры отца или матери],
сапалих ти тетку,	я спалил твою тетку [сестру отца или матери],
сапалих ти ујку,	я спалил твоего дядю [брата матери],
сапалих ти ујну,	я спалил твою тетку [жену брата матери],
сапалих ти кума,	я спалил твоего кума,
сапалих ти куму,	я спалил твою куму,
сапалих ти брата,	я спалил твоего брата,
сапалих ти снаху,	я спалил твою сноху,
сапалих ти сестру,	я спалил твою сестру,

сапалих ти зета,   я спалил твоего зятя,
 сапалих те,   я спалил тебя,
 изгорех те,   я сжег тебя,
 сагорех те,   я выжег тебя,
 сагорех сав ти род!   я выжег весь твой род!
                                       (Раденковић 1982, 71).

Разновидностью тавтологии, которая в широком смысле может быть не только “лексической” (корневой), но и словообразовательной (повторение однотипных моделей), синтаксической (повторение однотипных конструкций), морфологической (нанизывание одинаковых грамматических форм), можно считать соположение в тексте синонимов (часто соединенных союзом *и*), – своего рода семантическая тавтология. Этот поэтический прием, применяемый в текстах “Тетралогии” (ср. в “Законе Моисееве”: 30 *оуставы и исправы ... строя и разлогы*; 31 *оуроки и поконы*; 37 *на полихъ и на нивахъ*; в “Архангеле Гаврииле”: 21 *свършиште и творите*, 27 *съставите и съберѣте*, 38 *и наоучите и наставите*, 44 *и просите и молитте* и др.), также широко используется в заговорах. Ср. “глядели и смотрели” (Майков 1994, № 9), “помогает и пособляет” (там же, № 51), “не жги, не пали моего белого тела, красного мяса” (там же, № 96), “прошу и молю ... отгони и отведи от меня” (там же, № 120), “... запрѣи и замкни” (там же, № 138), “... вышибает, выбивает ... вышибало, выбивало ... пожирало и поедало ...” (там же, № 211) и мн. др. При этом разные виды тавтологии часто ради достижения большего магического эффекта действуют совместно, например: “... так бы на раба Божия (имя рек) глядели и смотрели старые старики, молодые мужики, старые старухи, молодые молодухи ...” (там же, № 9), “Замкну замки замками, заключу заключи ключами” (там же, № 18).

В “Тетралогии” встречаются “ситуативные” синонимические пары, объединяемые на основе принадлежности к одной и той же прагматической ситуации; ср. в “Архангеле Гаврииле”: 22 *тешите и строите* (строительство) и *пашите и сѣйте* (земледелие), 32 *и пашите и сѣйте и пожъните* (земледелие), а также антонимические соположения: 34 *и размякѣчите и отвръдите*, 35 *разведѣте и съведѣте* и т. п.

В тексте “Размаряющей и размиряющей”, кроме ряда причастий в первых 17 строках, которые связаны словообразовательной, морфологической, фонетической и в определенной степени семантической близостью, встречаем сопряжение однокоренных форм, соот-

носящихся друг с другом на синонимической или антитетической основе: 26 *подающе и въздающе*; то же в “Архангеле Гаврииле”: 11 *спасѣте и запасѣте*, 19 *опростите и простите*; 35 *разведѣте и съведѣте*, 37 *спасѣте и насѣте*, 42 *разнесѣте и възнесѣте* – вид тавтологического притяжения, весьма характерный также для заговорных текстов: “снесите и донесите, вложите и положите . . . всякая пища кипит, перекипает, горит, перегорает, сохнет и посыхает” (Майков 1994, № 1), “она шьет, пошивает, золотые ковры вышивает” (там же, № 146), “не я говорю, не я выговариваю; выговаривая, отговаривая сама Божья матушка” (там же, № 175), “угони, выганивай . . . сохнет, присыхает” (там же, № 198), “ограждает и огораживает” (там же, № 204).

Однако более значим в этом тексте противоположный прием, а именно – варьирование корня при сохранении префикса и всей словообразовательной модели: 1 *а-з размаряющеи и размиряющеи*, 2 *размаряющеи и разбивающеи*, 3 *раздирающеи и разламающеи* и т. д. Подобные ряды, хотя и не столь протяженные (а чаще всего двучленные и трехчленные), встречаются и в текстах заговоров: “закройте и защитите меня, на той высокой горе загораживайте меня железным и медным небом, затворяйте меня тремя дверями железными, закладывайте тремя цепями железными, замыкайте меня тремя замками железными” (Майков 1994, № 330); “глаголю тебе, разсыпся, растрекляте, растрепогане, растреокаянне!” (там же, 167).

Здесь были рассмотрены лишь самые заметные, бросающиеся в глаза особенности организации текста в нескольких из прочитанных на сегодняшний день фрагментов новгородской восковой книги начала XI века. Мы вполне отдаем себе отчет в том, что далеко не все приемы и фигуры, особенно в смысловой структуре текстов, доступны современному восприятию; многие из них остаются скрытыми и нуждаются для своего обнаружения и истолкования в более глубоком специальном текстологическом анализе и сопоставлении с другими дошедшими до нас древнеславянскими литературными текстами. Однако даже эти предварительные наблюдения, как кажется, позволяют заключить, что в текстах “Тетралогии” (или, скажем осторожнее, в “стихотворных” фрагментах этих текстов) правомерно видеть один из древнейших образцов оригинальной древнеславянской поэзии, отражающий тот начальный этап ее существования, когда стихотворные формы синкретически спаяны с “нарративной” тканью текста и не всегда легко вычлениаются из “прозаического” контекста (да и само разграничение и тем более противопоставление этих двух видов организации текста еще не носит категорического харак-

тера). Главные из заметных уже сейчас особенностей “стихотворных” фрагментов “Тетралогии” – ритмическая организация, затрагивающая все уровни текста (силлабика, грамматика, семантика), широко применяемый прием параллелизма, повторы, тавтология, “инерционность”, выделенность начала (строки, стиха), “апеллятивный”, т. е. ориентированный на адресата, характер текста – сближают их с той разновидностью древнеславянской поэтической традиции, которую вслед за К. Ф. Тарановским принято называть “молитвословным” стихом в противоположность “сказовому” стиху (Тарановский 1968)¹. С другой стороны, не менее показательно отмеченное выше сходство структуры текстов “Тетралогии” с архаической поэтикой магических форм устной традиции, в первую очередь заговоров.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Ср.: “Основным определителем молитвословного стиха является система ритмических сигналов, отмечающих начало строк. В первую очередь в этой функции выступают две грамматические формы – звательная форма и повелительное наклонение ... Другим средством маркирования начала строки в молитвословном стихе является синтаксическая инверсия, например, постанова на первое место в строке прямого дополнения перед сказуемым” (Тарановский 1968, 377–378).

ЛИТЕРАТУРА

- Майков, Л. Н.: 1994, *Великорусские заклинания*, Изд. 2, Санкт-Петербург.
Раденковић, Љ.: 1982, *Народне басме и бајања*. Ниш; Приштина; Крагујевац.
Тарановский, К.: 1968, ‘Формы общеславянского стиха в древнерусской литературе XI–XIII вв.’, *American Contributions to the Sixth International Congress of Slavists*, The Hague, Paris, Vol. 1, 377–394.
Толстая, С. М.: 2002, ‘Магические ритмы и инерционная грамматика заговора’, *Заговорный текст. Генезис и структура. Материалы круглого стола*, Москва, 62–66.

*Институт славяноведения РАН,
Москва
tolst@rinet.ru*